

Для цитирования: Веселов, Ю. А. Архетипы власти / Ю. А. Веселов // Социум и власть. — 2023. — № 2 (96). — С. 38—47. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-38-47. — EDN HFZKBA.

УДК 321.01

EDN HFZKBA

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-38-47

АРХЕТИПЫ ВЛАСТИ

Веселов Юрий Александрович,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет мировой политики, преподаватель. Москва, Россия.
ORCID: 0000-0003-2043-2778
E-mail: veseloff30@gmail.com

Аннотация

Данная статья несёт в себе авторское понимание феноменов, являющихся основой идеологической картины мира разных категорий социальных групп. Автором представлена историческая поэтапность развития основополагающих идей, являющихся сутью социальной идентичности и, следовательно, влияющих на легитимацию власти на протяжении организованной истории человечества и в современности. Такое понимание архетипов в политических науках представлено впервые. Статья выстроена вокруг понятия «архетип» и расширяет его значение до политических и идеологических измерений. Так, с помощью методологии категорий архетипов были выявлены следующие формы, преобладающие в организованной истории человечества: архетипы Солнца, Церкви, Нации и Права. Такие формы могут являться удобной методологией в конфликтологии, политологии, в науке о международных отношениях. Представленный подход открывает новое теоретическое направление в указанных науках.

Ключевые слова:

архетип, легитимация, идеологическая картина мира, религия, церковь, нация, право

Архетипы несут в себе унаследованные коллективные инстинкты, поведенческие программы. Общая логика рассуждений общепризнанного основателя концепции К. Г. Юнга может подразумевать, что он понимал архетипы как унаследованные от предыдущих поколений и закреплённые в схемах элементы коллективного бессознательного, которые отражают в индивидуальном сознании явления и ситуации, типичные для социальной и культурной реальности. Формирование таких схем является результатом накопления в генетической памяти многовекового коллективного опыта в аналогично структурированных взаимодействиях, которые человек получает в течение своей жизни (например, принятие нового члена в сообщество, признание своего места в иерархии, конфликт и так далее) [14, P. 2325—2330].

Целью данной работы является отображение и воспроизведение выстраивания легитимности социально-политической иерархии в истории международных отношений.

Легитимация — важнейший фактор, обеспечивающий жизнеспособность власти. Очевидно, первой исторической формой легитимации власти была ее сакрализация: носители власти рассматривались не столько как субъекты собственной власти, сколько как избранники и проводники высших сил, населяющих трансцендентный мир [2, с. 38—42].

Существование архетипа иерархии способствует установлению социального порядка, в рамках которого создается более или менее открыто выраженная, понимаемая и принимаемая всеми участниками матрица позиционных взаимодействий, где каждая социальная позиция предъявляет ряд требований и предписаний к тому, кто ее занимает [2, с. 38—42].

Идеологическая картина мира — это сложная система, которая, помимо прочего, включает архетипические образы и символы, которые легитимизируют не только статус-кво существующего общественного порядка, но и миропорядок в целом.

Одним из главных требований к системе значимых знаков миропорядка, конституируемого нарративом, является взаимодополняемость этой системы знаков по отношению к ценностному ядру корпоративного сообщества — системе идентификационных и иерархических маркеров, значимых для корпорации.

Таким образом, архетипические программы корпоративизма и иерархии обеспечивают укрепление единства и иден-

тичности социокультурного сообщества, формируя идеологическую картину мира, которая легитимизирует социальный порядок [3, с. 38—42].

Следовательно, архетипы — это внутренние образы, являющиеся стержнями убеждений, идей, провоцирующими действия и поэтому широко используемые для манипуляций общественным мнением. Однако в данной работе «архетип» будет использоваться скорее не в юнгеровском понимании, а в форме несколько приближённой к нему «фундаментальной идеи», затрагивающей тем не менее бессознательные основы мышления индивида и группы.

В соответствии с таким пониманием архетипа, были выделены 4 основных периода смены «фундаментальной идеи» — Архетип Солнца, Архетип Церкви, Архетип Нации, Архетип Права.

Архетип Солнца

*Ты — мощь, ты — сила победы,
ты бессмертный...
Блестящий златом в лучах зари,
восходите вы вместе, Индра и Солнце.*

Древнеиранская формула посвящения в Цари Царей

Первый период существования организованного человечества, по большей части границы которого определены Античностью, можно охарактеризовать как Архетип Солнца. Его главной чертой является обожествление правителя, который совмещает в себе функции политического и религиозного лидера, он прообраз божеств, он нечто больше, чем человек. Такое отношение строилось по схеме «Человек — это смертный бог, а бог — бессмертный человек» [1, с. 1].

Древний мир опирался на божественную царскую власть. Основами этого мира были — героическое действие и созерцание; посредников — обряд и верность; великую опору — закон и касту; и земной символ — Империя [16].

Первичной основой власти царей и вождей, то есть тем, что заставляло других подчиняться им, благоговеть перед ними и почитать их, в Античности служило именно их трансцендентное сверхчеловеческое качество, которое было не просто фигурой речи, но могущественной и вызывающей священный трепет реальностью [8, с. 20]. Правители, правившие в древнем Ассуре около 2000 года до н. э., называли себя Патиси, царями-жрецами. Только около

1500 года, при Ассур-бел-нише-шу, появился королевский титул [19].

Любая власть была основана на духовном владычестве «божественной природы, скрытой под человеческой внешностью». К примеру, согласно индоарийской традиции, верховный правитель — вовсе не «простой смертный», но «великое божество в человеческом облике» [18, с. 4—5].

Египтяне видели в своем фараоне воплощение Ра или Гора. Цари Альбы и Рима олицетворяли Юпитера; ассирийские — Баала; иранские — Бога света; точно так же Тиу, Один и асы были предками северогерманских правителей; греческих царей дорийско-ахейского периода называли $\delta\iota\omicron\tau\rho\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\epsilon\varsigma$ или $\delta\iota\omicron\upsilon\epsilon\nu\epsilon\theta\acute{\epsilon}\epsilon\varsigma$, что указывало на их божественное происхождение [8, с. 20]. Как сообщает Ксенофонт, царь, который согласно своей функции, воспринимался как образ бога света на земле, принадлежал к касте магов и возглавлял ее [4, с. 17].

Царское достоинство часто олицетворялось солнечным символом. В царе видели те же «славу» и «победу», которые были свойственны Солнцу и свету — символам высшей природы, — торжествующим каждое утро над мраком. «Восходит как царь на трон Гора живущих, как отец его Ра (солнце) каждый день»; «Я установил, чтобы ты восходил царем Юга и Севера на трон Гора вечно, подобно солнцу» — в таких выражениях описывает это царская египетская традиция [17, р. 11].

В древнеримских описаниях Бог Солнца вручает Императору державу — эмблему всемирного господства. Император Аврелиан активно продвигал культ Sol Invictus, «Непокоренного Солнца», Бога Солнца. Он превратил культ Солнца в официальную религию поздней Римской империи наряду с традиционными римскими культами. Император Аврелиан утверждал, что он великий лидер, не обязательно как сам Бог Солнца, но назначенный им. Однако эта солнечная «слава» или «победа», связанная с царственностью, не сводилась к простому символу, но была метафизической реальностью, отождествляемой с действенной нечеловеческой силой, которой владел правитель как таковой, являясь не только политическим центром государства, но и его идейным смыслом, «фундаментальной идеей». Такая «фундаментальная идея» не является исключительно европейским пониманием — согласно дальневосточной традиции, царь, «сын неба» — тьянь-цзы — то есть тот, кто родился не как обычный смертный, обладает «небесным мандатом»: «Люди совершенные

по широте и глубине своей добродетели подобны земле; по её высоте и блеску подобны небу; по своей протяженности и длительности подобны безграничному времени и пространству. Тот, кто пребывает в этом духовном совершенстве, не выставляет себя напоказ, но, однако, подобно земле раскрывает себя в своих благодеяниях; он не движется, но, однако, подобно небу, осуществляет различные превращения; не действует, но, однако, подобно времени и пространству, приводит свои труды к совершенному завершению». Но лишь такой человек «достойн владеть высшей властью и повелевать людьми» [13, р. 1]. Укорененный в подобной силе или «добродетели», верховный правитель, ван, в Древнем Китае обладал высшей функцией центра, третьей власти между небом и землей. Считалось, что от его поведения скрыто зависят процветание или бедствия его царства и моральные качества его народа [8, с. 23].

Цари, «черпающие свою древнюю власть от высшего бога и получившие победу из его рук», являются «маяками мира в бурю» [1, р. 10—16]. Эта персонификация власти уже давно является ключевым элементом политической жизни, особенно в России, где всё ещё являются сильными для восприятия персонификации власти.

Любой закон, объективно считающийся таковым, должен был иметь «божественный» характер: если его признавали таковым, тем самым признавая и его происхождение из нечеловеческой традиции, то авторитет этого закона был непререкаем, он расценивался как нечто непоколебимое, непреклонное и неизменное, не допускающее обсуждения; любое нарушение закона представляло собой не столько преступление против общества, сколько, прежде всего, имело характер богохульства, святотатства (ασέβεια) — действия, предопределяющего духовную судьбу самого виновника и тех, с кем он был социально связан. Вплоть до Средневековья мятеж против власти и имперского закона считали религиозной ересью, а мятежников — еретиками, врагами собственной природы, восставшими против закона своего естества [10, р. 89—90].

«Фундаментальная идея» Архетипа Солнца выражается не только в персонификации власти, отношения к властителю как отцу (отсюда фото/видео вождей, лидеров с детьми, что напоминает известную статую Императора Августа и прижавшегося к его ноге ребёнка-народа, показывающие патерналистскую заботу власти о народе).

Архетип Солнца — это, в целом, государственная бюрократическая иерархия, обладающая монопольным правом на осуществление насилия. Само слово «государство» (лат. status, от греч. ἵσταναι «оставаться»), если даже эмпирически и ведёт свое происхождение от той формы общественной жизни кочевых племен, которая складывалась у них на постоянной стоянке, тем не менее может отражать и высший смысл, свойственный порядку, нацеленному на иерархическое соучастие в духовной «устойчивости», в противоположность временному, неустойчивому, изменчивому, хаотическому и партикуляристу характеру, анархии и хаосу [11, р. 38].

Однако ошибочно полагать, что данный Архетип является только персонификацией власти, созданием культа личности. Эта идея делает культом личность в целом, человек является центром идеи, построенной на меритократии, утилитаризме и частичном дарвинизме. В искусстве, например, Архетип Солнца выражается в восхвалении Человека, по образу микеланджеловского «Давида», «Мыслителя» Родена, картины Ж. Д. Энгра «Наполеон на императорском троне» и другими работами, отражающими героизацию и легендаризацию отдельно взятой личности.

Архетип Солнца — один из наиболее укоренившихся в подсознании. Однако сейчас следование ему выражается не только в любовании рассветами и Масленицей. Архетип Солнца — укоренившаяся политическая традиция, её господство не ограничивается лишь Античным периодом, так как эта «фундаментальная идея» является фундаментом для последующих.

Архетип Церкви

*Я Господь, и нет иного; нет Бога
кроме Меня;
Я препоясал тебя, хотя ты не знал Меня,
дабы узнали от восхода солнца
и от запада,
что нет кроме Меня; Я Господь,
и нет иного.*

Книга пророка Исайи, 45, 5-6

Согласно академическому «Новому словотолкователю» Николая Яновского (1803 год), в начале XIX века слово «архетип» употреблялось только в одном выражении: архетип света, то есть идея, в соответствии с которой Бог создал мир [9, стб. 233].

Казалось бы, взаимосвязь предыдущего типа с ныне разбираемым выражена наибо-

лее ярко, так как Архетип Церкви, буквально, является надстройкой над Архетипом Солнца. В данном случае под «Церковью» понимается всё разнообразие мировых религий, а не только европейско-христианское мировоззрение. Наложение на Архетип Солнца, в первую очередь, выразилось в формировании конкретной идеи абсолютной, всеобъемлющей идеи божественной власти и в политико-социальном плане стало даже некоторой эволюцией этой идеи, так как намного повысило степень фанатизма у последователей культа, что стало, безусловно, более высоким уровнем преданности, более крепкой связывающей сетью и более быстрым способом мобилизации. Религиозная составляющая человеческой идентичности проявила себя как намного более глобальная, интерэтническая и агрессивная, чем просто поклонение обожествленному правителю.

Если разбирать детально, то у Архетипа Солнца и Архетипа Церкви довольно схожие способы легитимации властных иерархических отношений. Например, Архетип Солнца фигурирует в христианстве в качестве божественного атрибута — христианская иконография использует символ божественного Солнца, изображая его в виде ореола вокруг головы, который явно воспроизводит значение египетского урея и короны, испускающей свет солнечной царственности. Тем не менее, между двумя «фундаментальными идеями» есть одно существенное различие — Архетип Солнца создавал идеальный образ (образ идеи в равной степени) в конкретном лидере, сочетавшем в одних руках всю власть своей Империи — он — источник закона, власти, благодати, центр вселенной и главный почитаемый объект-субъект. В Архетипе Церкви власть разделилась на мирскую светскую и духовную идейную. Это разделение нивелировало роль государства и возвеличивало роль отдельно взятой религиозной общины. При этом в результате определённого исторического развития, снова дало легитимацию властных иерархических отношений — светский правитель должен был получить «одобрение» от представителя влиятельной религиозной общины и только тогда его власть становилась правомочной и законной.

Из стандартного европейского Архетипа Церкви выбивается самый явный гибрид двух «фундаментальных идей» (вернее было бы обозначить, что это не гибрид, а скорее «переходная форма») — Византийская Империя. Это государство, созданное Константином в ходе особой приснившейся

ему божественной санкции («Nos vincere» — «Сим победиши») понимается как образ небесного царства, созданного по воле Бога и предопределенного Им. Земной владыка — βασιλεύς αυτοκράτωρ (василевс-автократор) — являет собой образ Владыки вселенной; как таковой, он может быть только одним и другого такого не существует. Он властвует как над мирским царством, так и над духовным, и его формальное право универсально: оно распространяется и на те народы, которые в действительности имеют независимое правление, не подчиненное реальной имперской власти — правление, которое является «варварским» и «несправедливым», поскольку основано исключительно на натуралистических предпосылках [20]. Византийский автократор подчинял себе религиозную христианскую общину, Вселенский патриарх назначался автократором, снимался с должности им же, помимо этого автократор-император председательствовал на Вселенских соборах, формирующих универсальную церковную доктрину. Этот достаточно уникальный гибрид, с падением Константинополя, идейно переехал в Третий Рим (провозглашение которого, безусловно, является тем же способом легитимации, сочетающим обе «фундаментальные идеи»). Наиболее ярко в российской истории эта «византийскость» проявилась в имперский период, когда Пётр I упразднил должность патриарха и утвердил вместо этого государственный подотчетный только лишь Императору орган — церковный Синод. На данный момент Архетип Церкви как никогда актуален и испытывает кризис в силу церковного раскола на Украине.

Напоминает византийский гибрид также и церковная ситуация в Великобритании, когда Генрих VIII, желая усилить свою личную власть (в соответствии с Архетипом Солнца), создал свою англиканскую церковь и возглавил её.

Как во времена Средневековья, так и в современный исторический период, Архетип Церкви не просто стал «фундаментальной идеей» мировосприятия, «самости», идентичности, но и преобразовал следующие учению страны в особые цивилизационные группы [7]. В рамках каждой цивилизационной группы Архетип Церкви занимает особое место в легитимации власти и порядке жизни каждого индивида. Так, в исламских странах это самый сильный из существующих архетипов, диктующий правила жизни и порядок государственного устройства.

Архетип Церкви является «фундаментальной идеей» и в построении государств — США изначально строились пилигримами, вдохновлёнными созданием «града на холме», нового идеального государства, лишённого недостатков европейских стран, из которых эти мигранты и бежали [12, р. 171]. Цитируя Евангелие от Матфея (5:14), в котором Иисус предупреждает, что «город на холме не может утаиться», Уинтроп предупреждал своих собратьев-пуритан, что их новое сообщество будет «подобно городу на холме, глазам всех людей на нас».

Архетип Церкви всегда проявлял себя во время конфликтов: широко известны фразы «С нами Бог», «Gott mit uns» и так далее, которые проявлялись уже при преобладании следующего архетипа. При этом знаменательно то, что во время больших исторических потрясений атеистический СССР реанимировал институт Патриархии и добавил к коммунистическим и националистическим (патриотическим) лозунгам и религиозные, добавив к государственным наградам религиозные, такие как Орден Александра Невского и другие.

Архетип Нации

Нация — это сообщество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер.

Отто Бауэр

Общие «этнические» контуры играют важную роль в наделении современных наций идентичностями и эмоциональной нагрузкой [3, с. 139]. Возникновение национализма было обусловлено десекуляризацией политики, отходу от религиозной составляющей легитимации власти и усилению власти светской. Оказалось, что достижения науки, результаты развития общественной мысли, «Эпохи Просвещения» снимают ореолы божественности. Для ряда стран, в которых эти мысли получили наибольшее развитие, необходимо было найти иной «скрепляющий фактор». Этот фактор был найден в другой «фундаментальной идее», сутью которой является единство сообщества, которое строится не на основе общих верований и предрассудков, а общем языке, культурном коде, физиолого-биологических сходствах во внешности индивидов одного социума. Архетип Церкви, таким образом, стал лишь составляющим элементом Архетипа Нации, так как являлся одним из основных культурных пластов. Падение некоторых монархических режимов отчасти

было обусловлено вызовом власти и легитимности правителей со стороны народа. Важное место в развитии национализма занимало представление (и в конечном итоге оно стало само собой разумеющимся и превратилось в глубокое убеждение) о том, что политическая власть может быть легитимной только тогда, когда она отражает волю или, по крайней мере, отвечает интересам народа [3, с. 144].

На протяжении большей части европейской истории споры о законном правительстве касались вопросов божественного или естественного права, вопросов наследования, в основном связанных с происхождением, и споров об ограничениях, которые должны быть наложены на монархов. Вопрос о национальной идентичности либо вообще не возникал, либо имел второстепенное значение. Безусловно, приводимая периодизация не имеет чётких обусловленных границ. Так, апеллирование к народу происходит со времён первых Республик, в том числе Римской республики, во время существования которой все политические деяния свершались от имени «Сената и народа Рима». Однако стоит ещё раз подчеркнуть, что настоящая работа уточняет параллельное существование многих «фундаментальных идей» одновременно, но сосредотачивается на более-менее детальном расписании каждой из них.

В своём значении «нация» и происходящий от этого слова феномен «национализм» являются лишь отображениями соединяющей идентичности народа, этнической группы, выражающейся в политической форме единства [15]. Современное понимание нации появилось во второй половине XVIII века в её определении «политико-гражданской нации», что относилось бы ко всем гражданам, живущим в своём собственном суверенном государстве. Таким образом, «нация» является синонимом к слову «гражданственность».

Наряду с Архетипом Церкви, Архетип Нации является одним из самых распространённых и ключевых «фундаментальных идей» как исторически, так и политически, являясь не только способом легитимации, но и генератором международных конфликтов. Наибольшая часть международных конфликтов построена либо на Архетипе Церкви, либо на Архетипе Нации, либо, как правило, на их сочетаниях. Архетип Нации также унаследовал многое и от Архетипа Солнца, и главным образом это выражается в создании национального эпоса.

Так или иначе, Архетип Нации стал «фундаментальной идеей» гражданского самосознания, способом легитимации власти, существующей по решению и выбору нации-народа, а также и способом мобилизации, в силу того, что межнациональные конфликты проявляют себя не реже, чем межконфессиональные. В обычном своём проявлении Архетип Нации проявляется в среднестатистическом патриотизме, уважению национальной Конституции и прочих основных законов, развитию национальных проектов (программ), национальной безопасности (так как национальная безопасность приравнена к безопасности каждого индивида, каждого гражданина), и в равной степени в национальных интересах по обеспечению благосостояния нации, хотя бы потому, что благосостояние нации приравнено к благосостоянию каждого гражданина. «Фундаментальная идея» Нации, таким образом, способствует порядку, благополучию и стабильности, также как и Архетип Церкви даёт понятную и во многом психологически приемлемую картину мира, смысл жизни. Однако как Архетип Церкви довольно просто формирует религиозный фанатизм и радикализм, так Архетип Нации с помощью шовинизма и «ура-патриотизма» формирует свои более крайние формы, печально известные примеры которых потерпели геополитическое поражение в середине XX века и поэтому были обозначены как человеконенавистнические и неприемлемые.

Как Архетип Церкви стал логичным соседствующим типом для Архетипа Солнца, так и следующий тип занимает близкую позицию к Архетипу Нации, являясь, тем самым, крайним антагонизмом для Архетипа Солнца.

Архетип Права

Все люди по своей природе равны, и каждый человек имеет право на свою естественную свободу, не подвергаясь воле или власти любого другого человека. Будучи равными и независимыми, никто не должен причинять вреда другому в его жизни, здоровье, свободе или имуществе.

Джон Локк

Казалось бы, Архетип Права неразрывно связан с Архетипом Нации, почему же тогда потребовалось выделять его как особую «фундаментальную идею»? Все перечисленные идеи, включая данную, можно разделить на две категории — индивиду-

алистичную и коллективистскую, где Архетип Церкви и Архетип Нации — коллективистские архетипы, а Архетип Солнца и Архетип Права — индивидуалистичные. Архетип Церкви имеет ориентиром паству, служащую божественной Идее, Архетип Нации превозносит конкретный человеческий социум, построенный на определённых признаках, Архетип Солнца обожествляет не Идею, а конкретную личность, возможно даже небольшую социальную страту, но во главе угла ставит не социум, а отдельную обожествлённую личность, что делает Архетип Солнца самой иерархичной «фундаментальной идеей» «не для всех». Архетип Права превозносит каждого отдельного индивидуума и является самым индивидуалистским и наименее иерархичным среди всех «фундаментальных идей».

Казалось бы, также, что Право — это синоним «закона», а «закон» в своём своеобразном виде господствует в каждом из перечисленных «фундаментальных идей» — для Архетипов Солнца и Церкви — божественный трансцендентный закон, для Архетипов Нации и Права — это естественный закон о правах человека и гражданина. Однако и среди этих идей есть существенное различие, обуславливающее их разделение — Архетип Нации сосредотачивается на конкретном политическом, культурном, этническом социуме, защищает скорее права своих граждан, а не права «чужеземцев», а в случае конфликта Архетип Нации требует жертв среди граждан ради «великой идеи», выживаемости Нации как таковой или достижению поставленной внешнеполитической цели, соответствующей национальным интересам.

Архетип Права космополитичен, это идеализм, построенный на безразличии к различиям между человеческими группами, господство Фемиды, казалось бы, не делающей предпочтений. Так называемая «естественность» прав человека является очевидным обожествлением, аналогом построения легитимности идеи за счёт неотъемлемости и утвердительности, что идея единственно верная и правильная только потому, что иначе быть не может.

Тем не менее не во всех случаях Архетип Права является универсальным. Помимо очевидных демократических и либеральных идеологий, являющихся гибридами Архетипа Нации и Архетипа Права, именно к Архетипу Права относится социализм и коммунизм. При всём настаивании на материалистичности этих учений, их сущность является такой же теорией и идеей, кем-то

сконструированной в качестве объяснения функционирования человеческого общества и пожеланий на то, как это общество может функционировать. Социалистические, коммунистические учения не сосредотачивались изначально на универсальном человечестве, но на интернационально угнетаемых обширных человеческих стратах, что сделало эти идеи наравне столь же обширными и популярными, как и конфессиональные. Именно поэтому отчасти требуется выделять Архетип Права как отдельную «фундаментальную идею», так как забота о положении каждого человека на планете является общей, а не националистической идеей.

Каждый последующий Архетип относится к предыдущим как к устаревшим. Отсюда отчасти каждый из них черпает свою собственную легитимацию. Для Архетипа Права национальное деление не является более актуальным, а только лишь мешает развитию человечества, свободе перемещения и человеческому выбору. Роль государства имеет значение для Архетипа Солнца, для Архетипа Нации, но не имеет существенного значения для Архетипа Церкви и имеет лишь частичное значение для Архетипа Права, но лишь до той степени, пока государственный аппарат эффективно защищает права человека. В ином случае, государство как институт может быть заменено международной организацией, важность решений которой может или даже должно быть выше, чем важность национальных законов.

Перечисленные «фундаментальные идеи», по своей сути, являются основами функционирования человечества на протяжении истории, способами легитимации власти и мотивами, которые пробуждают в массах иерархические отношения власти. В зависимости от каждого конкретного режима и даже каждого конкретного индивида, эти архетипы будут различаться в совершенно свободных вариациях, но, кажется, что на данном этапе развития человечества как такого не может быть не больше и не меньше «фундаментальных идей». Краткая наглядная «карта» фундаментальных идей представлена ниже (см. рисунок).

Обряд как форма легитимации

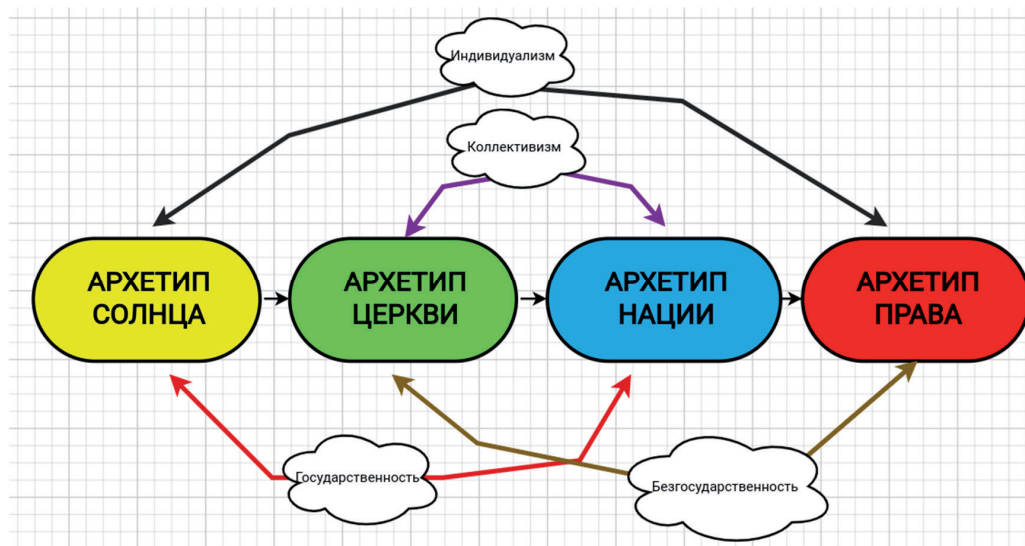
Неслучайно в данной работе использован термин «обряд» — установленный церемониальный акт, совокупность действий, смысл которых имеет символическое значение [6]. Использование термина, ко-

торый, в большинстве случаев, относится к религиозным или древним придворным практикам в отношении «фундаментальных идей» является наиболее подходящим. Как архетипы являются выражениями коллективного бессознательного, так и обряды являются практическим выражением признания легитимности доминирующего архетипа.

Для Архетипа Солнца, пожалуй, для человека существует наибольшая свобода в осуществлении обрядов во многом из-за вариативности культур, что могут существовать мировоззренчески в рамках данной «фундаментальной идеи». Но прежде всего для этого Архетипа существует уважение к социальной иерархии и власти, уважение, перерастающее в подобострастие. Вместе с этим уважением в Архетипе Солнца пользуется лишь сильная героическая личность, таким образом, героизация является мерилем легитимности.

Во времена господства Архетипа Церкви несогласные с основополагающими религиозными догматами клеймились как вероотступники и еретики, «выдавливались» из системы и массово умерщвлялись, межконфессиональные конфликты являлись структурными и главенствующими, так как верующие боролись за исключительность своего мировоззрения. Этот Архетип обозначен прежде всего исполнением конкретных духовных практик, определёнными правилами молитвы, поклонения и устройства быта. Одежда, соблюдение постов, регулярное посещение религиозных учреждений и показательное справление религиозных торжеств являлись, а где-то и являются обязательными обрядами для подтверждения своего членства в религиозном сообществе. Как монарх должен был быть коронован и помазан на царство, так и настоящий христианин как минимум по воскресеньям обязан посещать религиозные учреждения, совершать различные таинства, иметь дома «символ веры» и только этим доказывать свою истинную принадлежность к единственно возможному и законному социуму.

Осуществление обрядов во времена господства Архетипа Нации наиболее затруднено, так как это во многом обусловлено лингвистическими и физиологическими особенностями индивида и группы, в которой происходит его жизненный процесс. Ношение национальной одежды (под этим подразумевается скорее не народная одежда в провинциальном стиле, а в целом

«Карта» Архетипов власти

стиль и мода, принятая и воспринимаемая в каждой отдельной стране). И если одежда в последнее время, в условиях глобализации, не является более национальной спецификой (за исключением, правда, по большей части, некоторых арабских и африканских стран), то, в первую очередь, язык и, во вторую очередь, типичные черты представителя определённой этнической группы и, в третью очередь, доминирующая конфессия являются основополагающими «обрядами» принадлежности. Для граждан Великобритании, например, в 2022 году было достаточно только лингвистического критерия для выбора своего премьер-министра Риши Сунака, этнического пенджабца и индуистского вероисповедания. Это определённо доказывает, что в современной Великобритании сейчас господствует не Архетип Нации, а Архетип Права.

Наиболее интересным кажется проведение обрядов в «мире» (под «миром» здесь подразумевается определённое политическое, идеологическое и культурное пространство, практически как в понятии «мир-система») Архетипа Права. Данная «фундаментальная идея», установив себя как единственно верная, требует от существующих в рамках её системы индивидов публично выражения согласия со всеми своими постулатами, что делает её наравне с Архетипом Церкви двумя наиболее тоталитарными основами функционирования человеческого общества, несмотря на то что, по сути, все четыре Архетипа являются тоталитарными идеями. Любой

государственный документ в современное время не может существовать без открытого выражения приверженности правам человека, так как отчасти из этого черпает свою легитимность не только по выражению воли и защиты граждан конкретной страны, но и по защите прав любого представителя человечества в принципе, ноги которого стоят на этой земле. Усомнение или пренебрежение отдельными правами человека, включая новейшие добавления, касающиеся свободы идентичности и реформ института семьи являются прямыми мотивами для так называемой «отмены» этого индивида, общества, партии, культуры или государства [5].

1. Гераклит. Фрагменты / Гераклит // Book on Demand Ltd., 2019. — 102 с.

2. Грицков, Ю. В. Архетипические составляющие легитимности власти / Ю. В. Грицков, Д. В. Львов // Социум и власть. — 2017. — № 1 (63). — С. 38-42.

3. Калхун, К. Национализм / К. Калхун / пер. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. — 288 с.

4. Ксенофонт. Киропедия / Ксенофонт // под ред. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. — М.: Наука, 1976. — 347 с.

5. Новосёлов, Э. А. «Культура отмены» как инструмент политического давления / Э. А. Новосёлов // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов / под общ. ред.

А. А. Керимова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — С. 220—226.

6. Чистов, К. В. Обряд / К. В. Чистов // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969-1978.

7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М. : АСТ, 2003. — 603 с.

8. Эвола, Ю. Восстание против современного мира / Ю. Эвола. — М. : Прометей, 2016. — 323 с.

9. Яновский, Н. М. Архитип / Н. М. Яновский // Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. — СПб. : Имп. академия наук, 1803. — Т. I. От А до I. — Стб. 233. — IV. — 868 с.

10. Agostini, D. The Bundahišn: The Zoroastrian Book of Creation / D. Agostini, S. Thrope, S. Shaked, G. Strousma. — Oxford University Press, 2020. — 264 p.

11. Berl, H. Die Heraufkunfl des fünften Kastes / H. Berl. — Karlsruhe, 1931. — 490 p.

12. Bremer F. J., John Winthrop: America's Forgotten Founding Father / F. J. Bremer. — Oxford University Press, 2005, — 520 p.

13. Ezra, P. trans., Chung Yung: The Unwobbling Pivot / P. Ezra. — New York, 1969. — 288 p.

14. Gritskov, Y. V. Interaction of In-Group Archetypes and Hierarchy while Forming in-Group Community / Y. V. Gritskov, D. V. Lvov. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2015. № 11. — Pp. 2325—2330.

15. James, P. Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community / P. James. — London : Sage Publications, 1996. — 264 p.

16. Mead, G.R.S. Corpus Hermeticum / G.R.S. Mead. — IAP. 2008. — 112 p.

17. Moret, A. Le rituell du culte divin en Egypte / A. Moret. — Paris, 1902. — 318 p.

18. Olivelle, P. The Law Code of Manu / P. Olivelle. — New York : Oxford University Press, 2004. — 316 p.

19. Schumpeter, J. A. Imperialism and social classes. Fairfield / J. A. Schumpeter, Sweezy, M. Paul (ed.). — New Jersey : Augustus M. Kelley, 1989. — 177 p.

20. Treitinger, Die ost-römische Kaiser und Reichsidee / Treitinger. — Jena, 1938. — 562 p.

References

1. Geraklit (2019). Fragmenty [Heraclitus, Fragments], Book on Demand Ltd. 102 p. [in Rus].

2. Grickov Ju. V., L'vov D. V. (2017) Arhetipicheskie sostavljajushhie legitimnosti vlasti. [Archetypal components of the legitimacy of power]. *Socium i vlast'*, no 1 (63), pp. 38-42 [in Rus].

3. Kalhun K. (2006) Nacionalizm [Nationalism] / per. A. Smirnova. Moscow, Izdatel'skij dom «Territorija budushhego». (Serija «Universitetskaja biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo»), 288 p. [in Rus].

4. Ksenofont (1976). Kiropedija [Kiropedia] / pod red. Boruhovich V.G., Frolov Je.D. Izdatel'stvo «Nauka», Moscow, 347 p. [in Rus].

5. Novosjolov Je. A. (2022) «Kul'tura otmeny» kak instrument politicheskogo davlenija [“Cancellation culture” as an instrument of political pressure]. *Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teorija i praktika: sbornik nauchnyh trudov* / pod obshej redakciej A. A. Kerimova. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. pp. 220-226 [in Rus].

6. Chistov, K. V. (1978) Obrjad [Rite]. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: [v 30 t.]* / gl. red. A. M. Prohorov. 3-e izd. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija [in Rus].

7. Hantington S. (2003) Stolknovenie civilizacij. [Clash of Civilizations]. Moscow, AST, 603 p. [in Rus].

8. Jevola Ju. (2016) Vosstanie protiv sovremennogo mira [Revolt against the modern world]. Moscow, Prometej, 323 p. [in Rus].

9. Janovskij N. M. (1803) Arhitip [Archetype]. *Novyj slovotolkovatel', raspolozhennyj po alfavitu*. Saint Petersburg, Imp. akademija nauk. T. I. Ot A do I. Stb. 233. IV, 868 p. [in Rus].

10. Agostini D., Thrope, S., Shaked, S., Strousma, G. (2020) The Bundahišn: The Zoroastrian Book of Creation. Oxford University Press, 264 p. [in Eng].

11. Berl H. (1931) Die Heraufkunfl des fünften Kastes, Karlsruhe, 490 p. [in Ger].

12. Bremer F. J. (2005) John Winthrop: America's Forgotten Founding Father, Oxford University Press, 520 p. [in Eng].

13. Ezra P. (1969) trans., Chung Yung: The Unwobbling Pivot. New York, 288 p. [in Eng].

14. Gritskov Y.V. (2015) Interaction of In-Group Archetypes and Hierarchy while Forming in-Group Community // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, no. 11, pp. [in Eng].

15. James P. (1996) Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. London, Sage Publications, 264 p. [in Eng].

16. Mead G.R.S. (2008) Corpus Hermeticum. IAP, 112 p. [in Eng].

17. Moret A. (1902) Le rituel du culte divin en Egypte, Paris, 318 p. [in Fr].

18. Olivelle P. (2004) The Law Code of Manu. New York, Oxford University Press, 316 p. [in Eng].

19. Schumpeter J. A. Sweezy, Paul M. (ed.). (1989) Imperialism and social classes. Fairfield, New Jersey, Augustus M. Kelley, 177 p. [in Eng].

20. Treitinger (1938) Die ost-römische Kaiser und Reichsidee, Jena, 562 p. [in Ger].

Статья поступила в редакцию 30.03.2023

For citing: Veselov, Yu. A. Archetypes of power / Yu. A. Veselov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 28—47. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-00-00. — EDN HFZKBA.

UDC 321.01

EDN HFZKBA

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-00-00

ARCHETYPES OF POWER

Yuriy A. Veselov,

Lomonosov Moscow State University (MSU)

Faculty of World Politics,

Lecturer,

Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0003-2043-2778

Email: veseloff30@gmail.com

Abstract

The article is focused on the author's understanding of the phenomena that are the basis of the ideological picture of the world of different social group categories. The author presents the historical stage-by-stage development of the fundamental ideas that are the essence of social identity and, consequently, influence the legitimization of power throughout the organized history of mankind and in modern times. This understanding of archetypes in political science is presented for the first time. The article is built around the concept of "archetype" and expands its meaning to political and ideological dimensions. Thus, using the methodology of categories of archetypes, the following forms prevailing in the organized history of mankind were identified: archetypes of the Sun, Church, Nation and Law. Such forms can be a convenient methodology in conflictology, political science, and the science of international relations. The presented approach opens a new theoretical direction in these sciences.

Keywords:

archetype,
legitimization,
ideological picture of the world,
religion,
church,
nation,
law